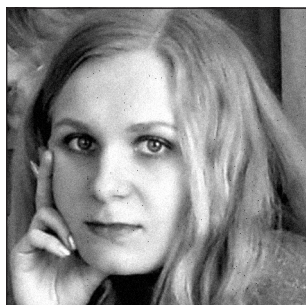

СЕМАНТИКА VS ПРАГМАТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ¹

Е.В. ВОСТРИКОВА

В статье представлены основные направления современных дискуссий в философии языка по проблеме различия между семантикой и прагматикой. Автор демонстрирует важность проведения данного различия для проекта систематического формального подхода к исследованию языка, рассматривает ряд сложных случаев и обозначает некоторые направления их возможного разрешения в рамках этого проекта, т.е. отказавшись от необходимости размывания границы между семантикой и прагматикой, предлагаемого некоторыми современными исследователями.

Ключевые слова: семантика, прагматика, неартикулированные конститuentы, логическая форма, минимализм, контекстуализм.

Основные определения: семантика и прагматика

В логико-философской и лингвистической традиции принято проводить различие между тремя основными направлениями исследований в области

¹ Статья подготовлена в рамках проектов РГНФ, грант № 11-33-00130a2, и РФФИ, грант № 09-06-00322-а.

семиотики (теории знаков) – синтаксисом, семантикой и прагматикой. Данное различие восходит к работе Ч. Морриса «Основания теории знаков» (1938). В рамках этой традиции считается, что синтаксическая теория исследует такие свойства выражений, как грамматическая корректность, предметом изучения семантики являются отношения между выражениями и тем, что они обозначают, а прагматика занимается отношениями между выражениями и их употреблением в контексте конкретной ситуации.

Идея проекта формальной семантики для естественного языка впервые была сформулирована в работах Г. Фреге. В основе современной формальной семантики лежат работы Ричарда Монтегю.

Классический учебник по формальной семантике начинается словами: «Знать значение предложения – значит знать условия его истинности»². Эта идея является центральной для современной формальной семантики. В ней также предполагается, что условия истинности предложений естественного языка могут быть представлены в виде логических формул.

Другой основополагающей идеей является композициональность – значение сложных выражений построено из значения простых выражений, входящих в их состав, на основе синтаксических правил. Дональд Дэвидсон³ сформулировал аргумент в пользу композициональной семантики, согласно которому наша способность быстро освоить огромный массив языка и производить предложения, которых мы никогда не слышали, может объясняться тем, что естественный язык состоит из конечного набора правил, изучаемых нами в процессе освоения языка.

Большинство (хотя и не все) формальных семантик являются теоретико-модельными, т.е. в них все лингвистические выражения соотносятся с заданным универсумом объектов посредством правил интерпретации (истинностным значением, референцией и возможными мирами).

Важной для формальной семантики естественного языка является идея семантической компетенции. В соответствии с предложенной выше основной идеей формальной семантики это знание условий истинности: если нам дано предложение, то мы как носители языка можем судить, какие условия должны быть выполнены, чтобы это предложение было истинным. Компетентный носитель языка способен также выносить суждения об отношениях следования между предложениями этого языка⁴.

² Heim I., Krazier A. *Semantics in Generative Grammar*. Oxford, 1998. P. 2.

³ Дэвидсон Д. Истина и значение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка; сост., общ. ред. и вступ. ст. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1986.

⁴ См.: Partee B. *Formal Semantics* // *The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences*; ed. P.C. Hogan. Cambridge: Cambridge University Press. In press.

Для прагматики Ч. Моррис предлагал следующее определение: прагматика – дисциплина, изучающая отношения знаков к их интерпретаторам⁵. Это определение не является достаточно ясным. Существенным образом уточнил это понятие П. Грайс, который сформулировал различие между тем, что было сказано в предложении, и тем, что было имплицировано в его произнесении. Следующий пример проясняет, что конкретно имел в виду Грайс под различием сказанного и имплицированного (от термина «импликатура», введенного Грайсом): «Предположим, А и Б разговаривают о своем общем приятеле В, работающем в банке. А спрашивает, как дела у В на работе, и Б отвечает: “Думаю, более или менее в порядке: ему нравятся сослуживцы, и он еще не попал в тюрьму”. Тут А вполне может поинтересоваться, что Б имеет в виду, на что он намекает или даже что значат его слова о том, что В еще не попал в тюрьму <...>. В любом случае мне кажется очевидным следующее: то, что (в рассмотренном примере) Б подразумевал, имел в виду, на что он намекал и т.д., отличается от того, что он сказал – *сказано было только то, что В еще не попал в тюрьму*»⁶ (курсив мой. – Е.В.).

То, что было сказано, согласно Грайсу, определяется конвенциональным смыслом слов, которые были произнесены: «Если мы знаем английский язык, но не знаем ничего относительно ситуации произнесения этого высказывания, мы получим некоторое представление о том, что было сказано говорящим»⁷.

От Грайса берет начало традиция относить к области семантики исследование того, что было сказано в предложении, и к области прагматики того, что было имплицировано говорящим в произнесении данного предложения.

То, что было сказано, в отличие от того, что было имплицировано, доступно для любого компетентного носителя языка независимо от того, что ему известно о конкретной ситуации; эта информация закодирована в самом предложении и передается слушающему независимо от интенций говорящего; чтобы передать эту информацию, говорящий просто следует лингвистическим правилам, а не использует какую-то сложную когнитивную стратегию.

Безусловно, это определение несколько упрощает реальную ситуацию, и мы увидим ниже, что не в каждом случае легко отличить то, что сказано, от того, что имплицировано. Существуют и другие определения прагматики, однако для целей данного обсуждения актуально именно это изначальное определение.

⁵ Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов ; под ред. Ю.С. Степанова. М., 1982.

⁶ Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1995.

⁷ Там же.

Зависимость от контекста и неопределенность значения как вызов для систематической семантики

В 1940–1960 гг. большую популярность получила философия обыденного языка, ключевой идеей которой была невозможность исследования языка независимо от контекста его употребления. Многие философы данной школы, в частности Дж. Остин, П. Стросон, Дж. Серл, выражали общий скептицизм относительно проекта систематического исследования языка. Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях» сформулировал концепцию значения как употребления, в которой не оставалось места для различия между тем, что сказано в предложении, и тем, что имплицитно содержится в его произнесении: значение предложения целиком и полностью оказывалось зависимым от контекста его употребления. Идеи позднего Витгенштейна оказали большое влияние на философию языка, и многие исследователи, следуя за ним, считали, что проект формального систематического исследования языка, сформулированный в работах Г. Фреге, невозможно реализовать. Этот скептицизм до сих пор сохраняет свое влияние на многих философов, интересующихся проблемами языка, как в отечественной, так и в зарубежной науке⁸.

Однако в теоретической лингвистике формальные исследования успешно продолжали реализовываться: в области семантики развивались методы, предложенные Р. Монтегю, на работах Н. Хомского основывались исследования синтаксиса, и даже зависимость выражения от конкретной ситуации употребления и связываемой с ним имплицитурой Грайса стали объектом формальных исследований в рамках традиции неограйсианства. Зависимость от контекста и неопределенность естественного языка уже давно являются объектами формального исследования, и теперь нельзя построить аргумент, в котором просто из существования такого рода феноменов выводится невозможность их систематического анализа.

Почему же многие исследователи и сейчас полагают, что зависимость значения предложений языка от контекста является вызовом для проекта формальной семантики? Дело в том, что они считают, что контекстуальная зависимость и неопределенность выражений не позволяют отделить проблемную область семантики от проблемной области прагматики. Иными словами, эти исследователи полагают, что не существует различия между тем, что сказано в предложении, и тем, что имплицитно содержится, предполагается говорящим при произнесении данного предложения. Они думают, что невозможно задать и описать

⁸ См. например: Никифоров А.Л. Чувственно-вербальное построение мира // Язык – знание – реальность. М., 2011.

условия истинности предложения вне зависимости от контекста их конкретного произнесения.

Возможность проведения четкого различия между прагматикой и семантикой важна для систематического исследования значения. Понятие импликатур Грайса предполагает возможность проведения различия между тем, что сообщает предложение, и тем, что имеет в виду (имплицитует) говорящий. Мы исходим из того, что сообщает предложение, для того, чтобы вычислить импликатуру. Если же предложение ничего не может сообщать независимо от импликатур, то становится неясным, какую роль может играть семантическое содержание вообще, каким образом значение сложных выражений может быть функцией от значения простых выражений⁹.

Не все аспекты проблемы зависимости значения от контекста представляют собой сложность для формальной семантики. Монтегю относил к прагматике все формы зависимости выражений от контекста¹⁰, однако есть основания пересмотреть данное представление о прагматике. Некоторые формы зависимости от контекста основываются на четкой лингвистической конвенции. Так, значение слова «я» зависит от контекста, однако нам известно, что это слово всегда указывает на автора высказывания. Существует ряд других выражений, значение которых хоть и не в полной, но в значительной мере задается лингвистическими конвенциями – таковы демонстративы («это»), местоимения («она»). Когда говорят о том, что зависимость от контекста является вызовом для проекта формальной семантики, то не эти выражения имеют в виду в первую очередь, хотя и их семантика вызвала ряд интересных дискуссий¹¹.

Рассмотрим, например, предложение «Идет дождь». Условия истинности данного предложения, интуитивно понимаемые при его произнесении в конкретной ситуации (приблизительно их можно выразить так: «Идет дождь» истинно, если дождь идет здесь и сейчас), не совпадают с теми условиями истинности, которые задает это предложение, если понимать его буквально, исходя только из элементов, присутствующих в данном предложении («Идет дождь» истинно, если идет дождь (вообще)).

⁹ Данное допущение, однако, принимается не всеми исследователями. Например, Кент Бах называет идею, согласно которой, «чтобы вычислить, что имплицитруется, сначала требуется определить, что говорится», одним из 10 наиболее популярных заблуждений относительно импликатур (*Bach K. The Top 10 Misconceptions about Implicature*. – <http://userwww.sfsu.edu/~kbach/TopTen.pdf> 2005).

¹⁰ *Montague R. Pragmatics* // R. Montague. *Formal Philosophy*. L., 1974 (*Монтегю Р. Прагматика* // Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981. С. 254–279).

¹¹ Интересное обсуждение сочетания конвенционального и неконвенционального элементов для такого рода выражений можно найти в работах: *Kaplan D. Demonstratives* // *Themes from Kaplan*. Oxford, 1989; *Bach K. Thought and Reference*. Oxford, 1987. P. 49–85.

Другой пример, заимствованный из работы Б. Парти¹²: «Я выключил духовку». Если принять во внимание, что человек скорее всего выключал духовку в прошлом более чем 1 раз, то данное предложение сообщает тривиальную истину, однако это отличается от того, как мы интуитивно понимаем значение данного предложения в контексте.

Сходный с этим и обсуждаемый в литературе проблемный случай – это ограничение области действия квантора. Как и в случае с дождем, интуитивные условия истинности предложения «Все студенты сдали экзамен на отлично», произнесенного в контексте, будут состоять не в том, что все студенты всего мира сдали экзамен на отлично, а в том, что все студенты в конкретном классе сдали экзамен на отлично.

Еще один сложный случай – это прилагательные и глаголы, значение которых варьируется в зависимости от того, к каким объектам они относятся. Например, значение выражения «большая мышшь» нельзя представить как некоторый объект, который обладает одновременно свойством быть мышшью и быть большим, поскольку большашая мышшь может быть достаточно маленьким существом.

В то же время существуют прилагательные и глаголы, значение которых зависит от того, с каким существительным они сочетаются: значение слова «отрезать» будет варьироваться в зависимости от контекста – сравните выражения «отрезать волосы» и «отрезать торт».

Эти проблемные случаи достаточно давно известны и обсуждаются в литературе, но интерес к вопросу о зависимости языковых выражений от контекста по-прежнему является одной из ключевых тем философии языка: только за последние 6 лет появилось несколько монографий, специально посвященных обсуждению этих проблем¹³. В целом сформировалось несколько направлений в решении вопроса об этой зависимости, к рассмотрению которых я сейчас и перейду.

Язык и контекст: основные подходы

Дискуссии в современной аналитической философии языка сконцентрированы вокруг контекстуализма – направления, в котором решение представленных выше проблем предлагается через кардинальный пересмотр традиционных представлений о семантике и прагматике и его критику.

¹²Partee B. Binding Implicit Variables in Quantified Contexts // Papers from the 25th Regional Meeting; Parasession on Language in Context. Chicago : Chicago Linguistics Society, 1989.

¹³См.: Cappelen H., Lepore E. Content in Context. Selected Essays. Oxford University Press, forthcoming 2012; Context Sensitivity and Semantic Minimalism. Oxford, 2007; Contextualism in Philosophy. Oxford, 2005; Stanley J. Language in Context. Oxford, 2007; Borg E. Minimal Semantics. Oxford, 2004; Recanati F. Literal Meaning. Cambridge, 2004; Recanati F. Truth Conditional Pragmatics. Oxford, 2010; Cappelen H., Lepore E. Insensitive Semantics. Wiley-Blackwell, 2005; Semantics vs Pragmatics; Z. Szabo (ed.). Oxford, 2007.

Контекстуализм. Существует несколько разновидностей семантического контекстуализма, но их объединяет идея о том, что прагматические факторы присутствуют на всех этапах интерпретации значения предложения. Согласно контекстуализму, для адекватного анализа того, что сказано, недостаточно семантики; ни одно предложение не выражает пропозицию, не обладает условиями истинности (или условиями приемлемости), если мы рассматриваем его без контекста употребления и не принимаем во внимание прагматические по своей природе факторы.

К контекстуализму в семантике относят идеи Дж. Серла, Ч. Тревиса, Ф. Реканати, Д. Спербера и Д. Уилсона, Дж. Перри. Идеи контекстуализма также ассоциируют с понятием «неартикулированных конститuentов», призванного выразить функцию зависимости значения предложения от контекста. Сам термин «неартикулированные конститuentы» был, по всей видимости, введен Дж. Перри¹⁴, однако и Тревис и Серл утверждали, что предложение имеет условия истинности или приемлемости в более широком смысле слова, только когда мы принимаем во внимание контекстуальные факты, которые не являются артикулированными. Обсуждая проблему неопределенности выражения «отрезать» вне контекста, Серл приводит пример предложения «Отрежь солнца». Поскольку (возможно, пока) не существует контекста, в котором произнесение данного предложения было бы осмысленным, мы не можем представить, какие конкретно действия ожидались бы от индивида в данном случае, основываясь лишь на конвенциональном смысле слов.

Дж. Перри вводит неартикулированные конститuentы для анализа таких предложений, как «Идет дождь». Он полагает, что для того, чтобы понять смысл данного предложения в контексте, требуется признать, что помимо произнесенных слов в нем присутствует скрытый индекс, который указывает на место, где идет дождь, и условия истинности данного предложения не могут быть поняты, пока мы не знаем, на что указывает этот индекс. Перри утверждает, что неартикулированные конститuentы вводятся на постсемантическом уровне. Его аргумент основывается на контрасте между предложениями «Здесь идет дождь» и «Идет дождь». В первом случае язык (буквальное значение слов) дает достаточно четкое указание на то, что следует рассматривать в качестве индекса. Во втором случае индекс не присутствует в грамматической структуре предложения¹⁵. В зависимости от контекста второе предложение будет сообщать о том, что идет дождь здесь или в каком-то другом месте.

¹⁴ *Perry J. Thought without Representation // Proceedings of the Aristotelian Society Supplementary. 1986. Vol. 60. P. 263–283; reprinted in the Problem of the Essential Indexical and Other Essays. Oxford, 1993.*

¹⁵ *Perry J. Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents. 1998. December 12 // Proceedings of the 1995 CSLI-Armsterdam Logic, Language and Computation Conference. Stanford: CSLI Publications, 1998.*

Одним из наиболее известных сторонников контекстуализма является современный французский философ Франсуа Реканати, сформулировавший проект прагматики в терминах условий истинности. В более ранних работах он формулировал свою основную идею также через понятие неартикулированных конститuent¹⁶, однако в более поздних работах¹⁷ эту функцию выполняет понятие модуляции (ниже я поясню связь между этими двумя понятиями).

В основе прагматики в терминах условий истинности лежит идея о том, что предметами интереса и исследования философа языка и лингвиста должны быть условия истинности высказывания, интуитивно понимаемые людьми, использующими язык. Когда мы произносим предложение «Все студенты получили “отлично” на экзамене», то интуитивно понимаем, что условия истинности этого предложения не состоят в том, что все студенты всего мира получили «отлично». В грамматической структуре данного предложения отсутствует ограничение области действия кванторного выражения «все студенты». Согласно Реканати, эта информация привносится в предложение с помощью прагматического процесса наполнения предложения данными конститuentами. Дело не только в том, что значение такого рода предложений варьируется, но также в том, что оно изменяется не в зависимости от каких-то объективных свойств контекста, а в зависимости от интенций говорящего.

В отличие от Перри Реканати подчеркивает, что процесс наполнения смысла предложения с помощью такого рода конститuent не является обязательным. Для Реканати это значит, что нельзя утверждать, что в структуре данного предложения постоянно наличествует скрытое индексное выражение (или скрытая переменная), всегда присутствующее в структуре данного предложения и задающее именно тот универсум, который требуется контекстом. Если мы рассмотрим тот же пример с прогнозом погоды «Идет дождь», то в большинстве случаев то, что сказано в данном предложении, невозможно понять, не зная места и времени, о котором идет речь, однако можно сконструировать случай произнесения данного предложения в ситуации, когда дождь стал огромной редкостью на Земле и каждый случай выпадения дождя фиксируется специальными датчиками. Для понимания условий истинности высказывания в последнем случае, с точки зрения Реканати, не требуется введения дополнительных конститuent¹⁸.

Подобные примеры, с позиции Реканати, демонстрируют, что традиционная семантика не способна адекватно отразить условия ис-

¹⁶ *Recanati F. Unarticulated Constituents' // Linguistics and Philosophy. 2000. № 20.*

¹⁷ *Recanati F. Truth Conditional Pragmatics. Oxford, 2010.*

¹⁸ На мой взгляд, данный пример недостаточно иллюстративен, так как сторонник идеи о том, что в структуре этого предложения постоянно наличествует скрытый индекс, мог бы ответить, что во втором случае индекс указывает на планету Земля.

тинности высказываний и вместо пропозиций и условий истинности на выходе она способна дать только неполные схемы предложений, пропозициональные функции (термин Б. Рассела; пропозициональная функция образуется путем замены одного или нескольких элементов предложения на переменные).

Такого рода процессы, при которых зависимость от контекста не предполагается значением какой-то конкретной лексической единицы в предложении (например, если в предложении отсутствуют индексы или местоимения), тем не менее, влияет на условия истинности предложения, он называет свободными прагматическими процессами. В литературе также встречается название «сильные прагматические эффекты»¹⁹. Модуляция является свободным прагматическим процессом. Модуляция – это функция, аргументами которой являются выражение и контекст, а значением – релевантный для данного контекста смысл данного выражения. Понятия модуляции и неартикулированных конститuent близки, но отличаются тем, что модуляция – это преобразование конкретной лексической единицы и смысла, которые появляются в результате модуляции, нельзя назвать неартикулированными конститuentами, поскольку они соотносены с некоторыми конститuentами в предложении. Однако если мы осуществляем модуляцию целого предложения, то это будет соответствовать введению неартикулированных конститuent.

Реканати приводит следующие примеры модуляции отдельных лексических единиц: в предложении «Город спит» слово «город» претерпевает модуляцию и приобретает значение «люди, проживающие в городе». Другой пример: «В центре торгового комплекса сидит лев». Здесь «лев» указывает не на настоящего льва, а на статую льва.

Можно выделить три основных возражения, сформулированных против данной концепции. Во-первых, считается, что данная концепция несовместима с проектом систематической семантики. Выражение, по Реканати, может вносить свой конвенциональный смысл в состав более сложного выражения, но оно также может вносить бесконечное количество других смыслов. Во-вторых, прагматика условий истинности ставит значение практически всех выражений в зависимость от интенций говорящего, сводя к минимуму объективный элемент (семантику) в коммуникации, что существенно затрудняет коммуникацию. В-третьих, этот подход имеет недостаток чрезмерного обобщения, а именно дает ложные представления о том, что возможны любые модуляции предложений. Например, предложение «Всем нравится Салли», согласно данной концепции, должно быть способно означать «Всем нравится Салли и ее мама», что, конечно же, является ложным. Язык имеет достаточно четкие правила, что не находит отражения в рамках данной концепции.

¹⁹ Stanley J. *Language in Context*. Oxford, 2007.

В своей книге «Прагматика условий истинности» (2010) Реканати отвечает на данные аргументы. Я не ставлю своей задачей ответить на вопрос, насколько адекватны ответы Реканати. Однако важно заметить, что подход прагматики условий истинности в любом случае бросает вызов современному пониманию формальной семантики и требует серьезного пересмотра ее оснований. Таким образом, нам следует принимать данную концепцию только в том случае, если в рамках классической семантики невозможно дать ответ на те проблемные случаи, которые приводит Реканати. Кроме того, не совсем оправданной представляется предпосылка о том, что все указанные проблемы имеют одну и ту же природу и должны решаться одинаковым образом (например, на мой взгляд, ситуацию с метафорическим употреблением выражений следует рассматривать в ином ключе, чем проблему ограничения области действия квантора). Ниже будут рассмотрены подходы, не требующие такого серьезного пересмотра классического отношения между тем, что было сказано, и тем, что было имплицировано, которые не допускают сильных прагматических эффектов. Мы увидим, что у классического подхода есть соответствующие ресурсы для решения сформулированных проблем.

Буквализм. Контекстуалистам в современной философии языка противостоят так называемые буквалисты. Это название объединяет отличающиеся между собой теории, общим элементом которых является идея о том, что сильные прагматические факторы не могут оказывать влияние на семантическое содержание выражений, и которые, однако, существенно расходятся по вопросу о том, насколько значительна роль семантического содержания в реальной коммуникации. Буквализм (от слова *literal* – буквальный) в настоящее время, пожалуй, является доминирующей позицией в обсуждении проблемы дистинкции между семантикой и прагматикой в философии языка. Название «буквализм» связано, по всей видимости, с тем, что сторонники такого рода концепций к семантическому содержанию предложений относят только то, что буквально выражено элементами данного предложения.

Буквалистов объединяет вера в то, что мы можем приписывать содержание в терминах условий истинности предложениям естественного языка независимо от того, что имеет в виду говорящий, который произносит эти предложения. Таким образом, буквализм – это концепция, согласно которой семантическое содержание предложения, произнесенного в контексте, можно и следует отделить от прагматического содержания.

Среди буквалистов можно выделить минималистов и индексикалистов, хотя эти термины не всегда используются одинаково всеми участниками дискуссии (например, в рецензии на книгу «Буквальное значение» известный критик позиции Реканати Дж. Стэнли отделяет

свою позицию от буквализма²⁰, хотя его концепцию принято относить к данному направлению²¹). Общей чертой всех минималистских концепций является то, что в них признается лишь минимальный набор выражений, значение которых зависит от контекста, т.е. только те выражения, контекстуальная природа которых является очевидной («я», «сегодня», «она», «это» и т.п.). Минимализм в существенной мере следует идеям Грайса, который видел прагматику как дополнение, а не альтернативу семантике.

Индексикалисты, ведущими представителями которых являются Дж. Стэнли и З. Сабо, постулируют наличие контекстуально зависящих выражений, присутствующих в предложении в неявном виде, практически для каждого случая, когда интуитивные условия истинности высказывания зависят от контекста.

Минимализм представляет собой прямой ответ на сложности для проекта формальной семантики, которые возникают из-за неполноты или недостаточной определенности предложений естественного языка. Вернемся к примеру предложения, в котором область действия квантора не ограничена и интуитивно должна быть считана с контекста: «Все студенты сдали экзамен на “отлично”». Для того чтобы избежать введения неартикулируемых конститuent средствами прагматики в семантическое содержание данного предложения, минималисты утверждают, что его семантическое содержание, понятое буквально, даже если мы рассматриваем его относительно конкретного контекста, состоит именно в том, что вообще все студенты мира сдали экзамен на отлично. Предложение «Идет дождь», если его понимать буквально, истинно, если идет дождь (вообще в принципе). В семантическом минимализме принимается идея о том, что семантическое содержание предложения может достаточно серьезно отличаться от того, что сообщает говорящий в конкретном акте высказывания. К минималистам относятся Н. Сэлмон, С. Соумс, Э. Борг, К. Бах, Э. Лепор, Г. Каппелен и др.

Как было сказано выше, мотивация, которая стоит за такого рода концепциями, заключается в том, чтобы сохранить область семантики совершенно автономной от любых сильных прагматических воздействий. Таким образом, сторонники данной концепции стремятся развести нашу лингвистическую компетенцию, связанную со знанием семантики (нашу способность понимать и считывать условия истинности типов предложений вне зависимости от их употребления в контексте), и нашу более общую способность объяснять поведение, приписывая другим людям интенции²². Сохранение семантического

²⁰ Stanley J. *Language in Context*. Oxford, 2007. P. 237

²¹ Korta K., Perry J. *Pragmatics* // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Summer 2011.

²² Borg E. *Minimal Semantics*. Oxford, 2004. P. 2; Bach K. *The Semantics-Pragmatics Distinction: What It Is and Why It Matters* // The Semantics/Pragmatics Interface from Different Points of View. Elsevier Science Ltd, 1999.

содержания свободным от прагматики позволяет сохранить все те важные преимущества, которыми обладает формальная семантика, – объяснение композициональности языка, его продуктивности, нашей способности быстро осваивать большие объемы языкового знания, способности понимать условия истинности предложений, которых мы никогда до этого не слышали.

Минимализм предлагает достаточно простые ответы на вызов контекстуализма. Двумя основными аргументами в пользу последней позиции, как было сказано выше, является тезис о том, что во многих случаях предложения обыденного языка не способны задать какие-либо условия истинности без конкретного контекста, и тезис о том, что условия истинности, которые они задают, являются нерелевантными к интуитивно понимаемым условиям истинности высказывания в контексте. В ответ на второе замечание минималист скажет, что понятия релевантности, адекватности не являются по своей природе семантическими, это чисто прагматические понятия, они важны для определения того, что говорящий мог бы иметь в виду в данном контексте, но не имеют отношения к вопросу о том, каково буквальное значение данного предложения²³.

В ответ на первое соображение минималисты могут предложить различные ответы в зависимости от конкретного примера. Например, Реканати использует пример цвета для демонстрации неопределенности значения. С его точки зрения значение слова «красный» не будет одним и тем же для всех случаев употребления данного предиката: сравним, например, выражения «красное лицо» и «красная ручка». Ручка может быть красной не только тогда, когда ее поверхность является красной, но и тогда, когда чернила, которыми она пишет, являются красными. Что значит для какого-то предмета просто быть красным? В ответ на это минималист также скажет, что разрешение данного вопроса не входит в задачу исследователя семантики, это скорее задача для метафизики²⁴. Семантика может только сказать, что предложение «А красное» является истинным, если А является красным.

Сторонник минимализма мог бы справедливо ответить контекстуалисту, что для любого уточненного значения можно сформулировать аналогичные вопросы. Например, если мы полагаем, что для анализа значения предиката «красный» необходимо провести различие между «иметь красную поверхность» и «быть красным изнутри», то далее можно потребовать уточнить понятие «иметь красную поверхность» и так до бесконечности. Контекстуализм, с точки зрения Каппелена и Лепора, не имеет умеренного измерения, он может быть только радикальным. Радикальный же контекстуализм не объясняет наши интуиции относительно истинности предложений типа

²³ Borg E. Op. cit. P. 220.

²⁴ Cappelen H., Lepore E. *Insensitive Semantics*. Wiley-Blackwell, 2005. P. 160.

«А красное», если А красное», так как согласно этой точке зрения они должны быть ложными или не имеющими истинностного значения²⁵.

Однако не все минималисты сходятся во мнении относительно того, что является семантическим значением предложений, которые, по крайней мере на первый взгляд, являются неопределенными. Так, Каппелен и Лепор будут рассматривать предложение «Эрни готов» как выражающее полную пропозицию. К. Бах, соглашаясь с ними в том, что семантическое значение предложения должно быть буквальным и минимальным, считает, что данное предложение не выражает полной пропозиции (не обладает условиями истинности). Для Баха семантическое значение предложения может представлять собой нечто вроде пропозициональной функции²⁶ и почти все предложения языка не выражают полной пропозиции. В ответ на это Каппелен и Лепор справедливо замечают, что Бах не сформулировал никакого критерия для возможного отличия предложений, выражающих полную пропозицию, от предложений, не выражающих полную пропозицию.

Также может возникнуть вопрос в отношении концепции Баха: если семантическое значение предложения редко бывает пропозициональным, то это означает, что мы должны отбросить идею о том, что задачей семантики является формулировка условий истинности; будет ли в данном случае позиция Баха отличаться существенным образом от позиции контекстуализма? Бах считает, что его понятие семантического содержания играет важную теоретическую роль. Во-первых, любое предложение может быть дополнено таким образом, что оно будет выражать пропозицию. Во-вторых, в отличие от контекстуализма семантическое значение в концепции Баха подчиняется принципу композициональности в самом строгом смысле²⁷.

Борг предлагает другой ответ на возражение о неполноте некоторых предложений: она считает, что в некоторых случаях мы можем восстановить пропозицию, выраженную неполным предложением, исходя из синтаксических свойств выражений в данном предложении²⁸. Итак, если рассмотреть пример предложения «Джон пинает», то зная, что «пинать» является переходным глаголом и требует объекта, на синтаксическом уровне описания будет добавлено второе место для аргумента с переменной, связанной оператором существования. Если этот анализ корректен, то «Джон пинает» будет выражать про-

²⁵ Cappelen H., Lepore E. Radical and Moderate Pragmatics: Does Meaning Determine Truth Conditions? // *Semantics vs Pragmatics*; ed. Z. Szabo. Oxford, 2005.

²⁶ Bach K. Minimalism for Dummies. – // <http://userwww.sfsu.edu/~kbach/replytoC&L.pdf>, 2005.

²⁷ См.: Bach K. Conversational Implicature // *Mind & Language*. 1994. Vol. 9, № 2. P. 124–162; Bach K. Semantic Slack // *Foundations of Speech Act Theory*; S.L. Tsohatzidis (ed.). Routledge, 1994.

²⁸ Borg E. Op. cit. P. 226.

позицию, а именно «Джон пинает что-то». Соответствующие рассуждения можно применить к примеру, обсуждаемому Бахом, Каппеленом и Лепором. Таким образом, можно было бы сказать, что «Он готов» выражает минимальную пропозицию «Он готов к чему-то».

Выделим два основных возражения минималистскому представлению о семантике.

Во-первых, это замечание о том, что минималистское содержание не играет никакой роли в коммуникации, оно слишком сильно отличается от того, что имеет в виду говорящий, его не обязательно считать, чтобы понять значение говорящего²⁹. Однако, на мой взгляд, Бах дает вполне удовлетворительный ответ на данное возражение. Мы проводим различие между семантическим значением предложения как типа и тем, что сказано в конкретной ситуации, используя данное предложение, потому что это различие фактически существует. Бах проводит аналогию между семантическим содержанием предложения (тем, что сказано) и его локутивным содержанием, с одной стороны, и содержанием предложения при конкретном произнесении и иллокутивным содержанием речевого акта – с другой. Это различие важно, потому что человек может сказать что-то, но ничего не иметь в виду; он может не сказать то, что он имеет в виду; он может иметь в виду то, что он сказал, плюс нечто еще (импликатуры); он может сказать нечто и иметь в виду что-то другое. Другой аргумент, который также приводит Бах, опирается на экспериментальную работу психологов, которые установили, что даже в случае с предложением, которое используется в явно метафорическом смысле (например, «Усердие – это лестница к успеху»), слушающему не нужно сначала считать то предложение, которое было сказано буквально, чтобы перейти к метафорическому смыслу. Было бы ошибкой, однако, сделать из этого вывод, что буквальное и метафорическое содержания в данном случае совпадают³⁰.

Второе возражение касается проблемы определения семантического содержания с точки зрения минимализма. Согласно Каппелену и Лепору, семантическое содержание – это то общее, что высказывается во всех его произнесениях вне зависимости от контекста. Сходной точки зрения придерживается С. Соумс. Он называет семантическое содержание «наименьшим общим знаменателем» всех произнесений данного предложения – тем, что утверждалось бы в любом контексте (при условии, что значение индексных элементов предложения остается фиксированным³¹).

²⁹ Stanley J. Op. cit. P. 234.

³⁰ Bach K. Context ex machine // Semantics vs Pragmatics ; Z. Szabo (ed.). Oxford, 2005. P. 25.

³¹ Soames S. Naming and Asserting // Z. Szabo (ed.), Semantics Versus Pragmatics; Oxford, 2005. P. 356–382.

Проблема с этим ответом состоит в том, что, возможно, никакой общей пропозиции не высказывается во всех произнесениях данного предложения во всех контекстах. В любом случае вряд ли буквальное значение предложения «Все студенты сдали экзамен на “отлично”» (где речь идет обо всех студентах всего мира) утверждается хотя бы в одном из произнесений данного предложения³².

Пожалуй, наиболее провокационный и интересный проект по интеграции роли контекста в формальный анализ семантического содержания был предложен в работах Дж. Стэнли (некоторые из них написаны в соавторстве с З. Сабо и Дж. Кингом). По признанию Стэнли, каждый из тезисов, который он отстаивает, подвергается суровой критике в современной философии языка.

Согласно этому проекту, любая зависимость предложения от контекста сводится к наличию определенного элемента в логической форме предложения, который отвечает за контекстуальность. В общем виде логическая форма предложения – это формальная репрезентация его логической структуры, т.е. структуры, которая объясняет его логическую роль и свойства³³. Понятие логической формы предполагает, что существует различие между грамматической ролью предложения и его логической формой. Основными объектами критики Стэнли являются контекстуализм и минимализм в семантике. В отличие от минималистов Стэнли считает, что объектом исследования семантики являются выражения, рассматриваемые в контексте.

Несмотря на то, что выше я отнесла Стэнли (следуя терминологии Реканати) к индексикалистам, этот термин не вполне адекватно описывает его концепцию, поскольку элементы, которые он постулирует в логической форме предложения, отвечающие за контекстуальность, не являются индексами. Стэнли отделяет свою позицию от упоминавшейся выше концепции неартикулированных конститuent. Неартикулированные конститuent в определении Дж. Перри – это индексы. Индексы – это примитивные лексические единицы, они не могут быть связаны никакими операторами. Интерпретация индексных выражений меняется от контекста к контексту. Примером индексного выражения в естественном языке является слово «я». Несложно показать, что «я» в отличие от местоимений, таких, как «он», не может быть связано каким-либо выражением. Сравним два предложения: «Каждый_i человек_i, кто произносит данное высказывание, считает, что он_i гений» и «Каждый_i, кто_i произносит данное высказывание, считает, что я_i* гений» (знаком * принято отмечать примеры грамматически неправильных предложений). Во втором предложении выражение «Каждый, кто произносит данное высказывание» не

³² Stanley J. Op. cit. P. 236.

³³ May R. Logical Form in Linguistics // MIT Encyclopedia of Cognitive Sciences. Cambridge, Mass., 2001.

может связывать «я», это выражение всегда указывает на говорящего, хотя дескриптивно значение «я» можно выразить как «тот, кто произносит данное высказывание».

Неприятие Стэнли скрытых индексов связано с тем, что он, как и минималисты, считает, что в семантической интерпретации нельзя постулировать скрытые структуры, которые не совместимы с правильной синтаксической структурой предложения. Элементы в логической форме предложения, которые, по Стэнли, отвечают за зависимость от контекста, являются не индексами, а переменными. Эти переменные не во всех случаях оказываются явными, однако ключевой момент состоит в том, что они могут быть выявлены, если в предложении появится квантор. Операторы предложения могут взаимодействовать только с переменными в предложении, которые лежат в пределах их области действия.

Рассмотрим классический пример с дождем. Согласно Стэнли, предложение «Идет дождь» содержит переменную, которая указывает на место, где идет дождь. Эту переменную можно выявить, если поставить в первую часть предложения выражение, содержащее квантор: «Каждый раз, когда Джон зажигает сигарету, идет дождь». Это предложение имеет такое прочтение, согласно которому каждый раз, когда Джон зажигает сигарету, дождь идет в том месте, где Джон зажигает сигарету.

Сходным образом Стэнли объясняет любую зависимость от контекста в условиях истинности предложения (ограничение области действия квантора³⁴, решение проблемы прилагательных, предполагающих класс сравнения): она возникает, поскольку в реальной структуре предложений естественного языка находятся скрытые переменные, значение которых фиксируется в определенном контексте³⁵.

Наиболее сильным аргументом в литературе против проекта Стэнли является тезис о том, что подобного рода интерпретацию тогда нужно предложить и для случаев, когда сложно допустить существование переменной в логической форме предложения, например: «Так или иначе полицейский остановил машину». Следует ли допустить, что слово «останавливать» должно сопровождаться переменной, указывающей на способ остановки?³⁶ Другой пример: «Каждый раз, когда отец готовит грибы, Вася ест». Должны ли мы заключить,

³⁴ В рамках данной концепции в логической форме предложения «Все пожарные от важны» наличествуют две переменные, которые детерминируют область действия квантора «все»: одна переменная места и вторая переменная – функция от места к свойству «находиться в данном месте». Данная интерпретация ограничения области действия квантора восходит к работам К. von Fintel, в частности его диссертации “Restriction on Quantifier Domain” 1994 г.

³⁵ Stanley J. Op. cit. P. 30.

³⁶ Recanati F. Op. cit.

что глагол «есть» всегда предполагает наличие объекта? Стэнли предлагает ответ на подобного рода примеры и возражения.

Проект, предложенный Стэнли, лишен недостатков минимализма, связанных с неясной природой и ролью минимальных пропозиций. С точки зрения формальной семантики успешно реализованный данный подход был бы наиболее привлекательным. Насколько он является правильным и адекватным анализом выражений естественного языка, может показать только дальнейшее эмпирическое исследование.

Заключение

Разумеется, этими темами и аргументами не исчерпываются современные дискуссии по проблеме различия семантики и прагматики. За пределами данного рассмотрения остались теория релевантности Спербера и Уилсона, другие подходы к формальному анализу языка, такие, как теория игр, формальная прагматика и многие другие темы. Я не ставила задачей проанализировать все возможные или существующие определения прагматики.

В лингвистике известен целый ряд феноменов, о которых не представляется возможным однозначно заключить, являются ли они семантическими или имеют прагматическую природу (например, анафора, полисемия, имплицитные аргументы, фактивные глаголы, отрицательная полярность, модификаторы речевых актов и т.д.). За пределами обзора осталась также важная тема контекстуализма в эпистемологии, которая имеет непосредственное отношение к контекстуализму в семантике (фактически является его прямым применением для решения эпистемологических проблем). Суть этой концепции состоит в том, что значение слова «знать» может меняться в зависимости от контекста³⁷.

Проблема различия между прагматикой и семантикой может рассматриваться с разных перспектив. Предметом рассмотрения настоящей статьи были современные дискуссии вокруг проблемы недостаточной определенности предложений естественного языка и зависимости их значения от контекстуальных факторов. Вопрос о том, возможен ли адекватный ответ с позиций классической формальной семантики на вызов контекстуализма, является открытым, это предмет текущих и будущих эмпирических исследований. Однако мы увидели, что в рамках направления буквализма (литерализма) был сформулирован целый ряд важных аргументов, демонстрирующих, что семантику и прагматику можно исследовать как два независимых аспекта значения предложений и высказываний.

³⁷ См.: Антоновский А.Ю. Парадоксы Геттиера и их преодоление в семантическом контекстуализме // Эпистемология и философия науки. 2010. № 4.